

Пролетая над Жванецким

Михаила Михайловича Жванецкого позвали в Кремль. Михаил Михайлович Жванецкий в Кремль пошел. В Кремле его назвали Михаилом Маньевичем и дали орден. Очень ценный государственный орден, но самой маленькой степени. Наверное, в Кремле остались только маленькие. Но по три. А были и по пять. Ну, очень большие. Но вчера.

Вчера, нет, позавчера я был первым, кто написал про Жванецкого в так называемой советской центральной печати. Боже упаси меня утверждать, будто я вывел Жванецкого на какую-то там орбиту. Когда мы впервые встретились в восемьдесят с чем-то году, он был уже знаменит. Его пленки уже раздавались из каждых «Жигулей» они тогда служили нам «мерсами». Он уже был автором «Нормально, Григорий!» и «Пролетая над Череповцом...» У него уже вышла славная книжка «Встречи на улицах». Но в этой самой «центральной печати», надменной, слепой и глухой, о Жванецком не было ни строки.

У него часто брали интервью, но никогда их не печатали. Чтобы не травмировать его снова, я заранее договорился с главным редактором «Недели» об этой публикации. Я рассказал ему, что Жванецкий — никакой не диссидент, что он был активным членом «Комсомольского прожектора», что у него даже есть Почетная грамота Одесского обкома комсомола и что вообще большинство его произведений, пройдя через театр Аркадия Райкина, были «залитованы», то есть успешно прошли ушко Главлита — бдительной советской цензуры. Сейчас уж не упомню, где я врал, а где привирал. Но все это было необходимо, поскольку главным чувством всех советских Главных был — страх. Страх, легко переходящий в ужас, был их профессиональным отличием.

Согласие я вырвал, но интервью не напечатали. Я был в унынии. Прошла неделя, другая. Я извинился перед Жванецким и сказал себе, что ноги моей в «Неделе» больше не будет. А месяц спустя пришел Владик Арсеньев, ныне знаменитый кинопродюсер, а тогда молоденький выпускающий «Недели», и принес влажную полосу. В ней низким «подвалом», втрое урезанное, стояло мое интервью с Жванецким.

Я вспылал. Какого черта?! В интервью ничего «такого» не было. Ни даже легкой подковырки. Нормальный текст. Факты, чуть разбавленные пристойной шуткой. Но редактор, посмотрев на меня красными от бдительности глазами, сказал: «Ладно, пусть и за это скажет спасибо. Мне сказали, что это он, Жванецкий, написал... — тут редактор зачем-то оглянулся и снизил голос до шепота, — он написал про попугая... Того самого... Ну, который «пролетая над Череповцом»... Вы меня понимаете?»

Я его понимал. Но вы, дорогие мои читатели, — вряд ли. Вы слишком молоды, чтобы знать. Или слишком стары, чтобы помнить. А дело могло обернуться серьезно.

Дело в том, что Кремль стоял и тогда. И были тогда награды, и степени у наград были разные, только названия звучали иные. Про ордена с медалями и говорить лень — их раздавали мешками. Но были особые награды и ценились они особо. Если сам Брежнев подвешивал Звезду или «Ленина» — это как нынче Заслуги первой степени. Вроде того, чем одарили давеча В.С.Черномырдина. Далее, по нисходящей, шло то же добро, только из рук Сулова или Подгорного. Это как бы вторая степень. Потом шли «телеграммы Брежнева» с неизменным «Приветствую и поздравляю славный коллектив...» Посланная из Кремля, телеграмма Генерального секретаря равнялась нынешним Заслугам третьей степени. А когда Брежнев куда-нибудь летел, за границу или в любимые им Узбекистан или Азербайджан, то с его самолета прямо вниз порхали приветствия: «Пролетая над городом-героем Таким-то, шлю пламенный привет всем труженикам...» Это считалось вроде как Заслугами теперешней IV степени. И если из города Такого-то лезли потом в ЦК с просьбами о цементе, металле или ином дефиците, то их отрезвляли с доброй укоризной: вы, мол, сначала телеграмму Генерального отработайте, а уж потом поговорим о железе.

Вот на что замахивался у Жванецкого вырвавшийся из клетки попугай — сквернослов, хулиган и правдолюб. А вся великая страна лежала от хохота. Конечно, Генеральный секретарь ни о чем не догадывался, но Главлит был в ужасе. Он знал, что запретить надо, но что именно запретить — не знал. Стоят двое, и один говорит, что все есть. Если бы они говорили, что ничего нет... Или даже что чего-то нет... Ну, это понятно, это можно и

нужно запретить. Но они говорят, что все есть. Это? Есть. А вот это? Тоже есть. Представляете, какой ужас! Не там, а у нас — и будто бы все есть. Ложь, конечно, но как запретить, если в ней — суть социалистического реализма?

Зря говорят, будто Горбачев с Ельциным развалили Советский Союз. Скорее, это сделали Солженицын с Жванецким. А если уж совсем точно, то Великий Поворот совершили те, кто размышлял, читая Солженицына, и смеялся, слушая Жванецкого. Но дальше тропы расходятся. Гордый Солженицын, пару раз резко отказавший им в чести прицепить какую-то державную цапку к своему пиджаку, приучил их почтительно относиться к своему таланту. А М.М. Жванецкий оказался добрее, покладистее и, в конечном счете, дряблее своего мужественного, отчаянно смелого, бескомпромиссного Великого Дара. Он позволил ушлым чиновникам привести себя в Кремль и стоял с благодатным, благодарственным видом, когда Великий Попугай непочтительно пролетал над его блестящей 75-летней головой.

В.С. Черномырдин за одну только остроту («Хотели, как лучше») получил первую степень. Сказано неплохо, но у Жванецкого этого добра и много больше, и много лучше. Шекспир был прав, говоря, что «шутки господ значительных всегда смешны». Ну, так и дали бы каждому по первой, чтобы высшим честолюбием уравновесить глумливое изумление Попугая.

Оно, конечно, не впервой. Великий Пушкин опустился до камер-юнкерства, как бы не подозревая, что всех их, сановных и шлемоблещущих, будут помнить только в связи с его стихами, проказами и грехами. Великий Гоголь перед смертью заискивал не перед Богом, но — церковью. Великий Жванецкий позволил себе забыть, куда он идет и как эти люди оказались там, куда он пришел. Он думал, будто сумеет блеском своего Небесного Дара разрушить анодированную клетку, куда его загоняли метлою IV степени. Одна шутка, одна пауза, вроде обычная, но зияющая зубьями капкана, — и стены рушатся, а зал от хохота лежит. Не лег. Ибо здесь, в Кремле, уже давно смеются только одним смехом — верноподанным. Сюда строго запрещено проносить любое оружие, любые колющие и режущие предметы. Как же помыслил Жванецкий пронести сюда украдкой грозный, колющий, режущий и взрывоопасный Талант Жванецкого? Мимо них не проскочишь. Да Талант Жванецкого и не дотерпел бы до шмона. Он вывалился из-за пазухи еще за воротами Спасской башни. Жванецкий без Таланта Жванецкого оказался не тот. Михаил Михайлович был до того смешон со своей вымученной шуткой, что никому в этом вылизанном, напыщенном зале и в голову не пришло усмехнуться. Это он, от одного мычания которого в «Барже» захлебывались цепким хохотом целые стадионы.

Талант Жванецкого есть национальное достояние. Каждый из нас, людей русской культуры, имеет право по крайней мере на одну 500-миллионную его часть. То, что талант этот вручен на сохранение г-ну М.М. Жванецкому, ничего особого не значит. Да, этот М.М. Жванецкий неглуп, не лишен знаний, порою мил, хотя нередко нелюдим и хмур. Но если глядеть в корень — обыкновенный способ существования белковых тел. Талант Жванецкого вручен именно ему, а не мне и не вам, по какому-то неясному небесному расписанию. Возможно даже, что по чьему-то недосмотру. Но с этим уже ничего не поделаешь. Приходится смириться с тем, что Талант Жванецкого зависит от кровообращения г-на Жванецкого, от пищеварения г-на Жванецкого, от самочувствия г-на Жванецкого.

Ну, так и пусть соблюдает диету. Пусть кутается от сквозняков. Пусть не ходит куда не следует. Пусть усвоит, что самое главное его предназначение в этой жизни — беречь, хранить и защищать Талант Жванецкого.

Как это сказала ему жена? Да нет, не жена. Это сам Талант Жванецкого выговаривал своему оробевшему носителю: «Чего стоишь, придурок? Марш на сцену! Иди, бездарь, и работай! Сделай так, чтобы они вновь смеялись! Чтобы стали добрее и лучше!».

Чуть грубовато, но верно. Конечно, эту вещь М. Жванецкого я цитирую по памяти. Да ведь не я один. Миллионы людей по всему миру, каждый на свой лад, извлекают из памяти его слова с его неповторимой, ни на что не похожей музыкой слова. Такое чудо не бывает IV категории. Оно сверхкатегорийно. Оно выше всех властей и всех орденов. Пусть Жванецкий вы зубрит это наизусть — очень скоро нам предстоит его 80-летие.

Автор: Владимир Надеин © Ежедневный журнал КУЛЬТУРА, МИР 6344 28.05.2009, 17:13 258

URL: <https://babr24.com/?ADE=78022> Bytes: 8403 / 8403 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

Наши контакты и служебную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: krsyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](#)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)